

Е. П. Блаватская

Из серии "Nightmare Tales" (Кошмарные рассказы)

Молчаливый Брат

Удивительная история, которую я собираюсь вам поведать, была рассказана мне одним из ее главных героев. Её подлинность не вызывает сомнения — как бы скептически кто-то ни воспринимал детали её изложения — вследствие трех причин: (а) ее обстоятельства слишком хорошо известны в Палермо и все, произошедшее, до сих пор помнят несколько старожилов; (б) потрясение, которое испытал рассказчик от этого жуткого происшествия, было столь сильным, что его волосы — шевелюра 26-летнего молодого человека — стали белыми как снег за одну ночь, а сам он — буйно помешанным в течении последующих шести месяцев; (в) сохранилась официальная запись предсмертного признания преступника и ее можно найти в семейном архиве Князя ди Р..... В..... По крайней мере, что касается меня, то я ничуть не сомневаюсь в достоверности этой истории.

Глауэрбах был страстным поклонником оккультных наук. Какое-то время, его единственной целью было стать учеником знаменитого Калиостро, который проживал тогда в Париже, приковав к себе всеобщее внимание; но таинственный Граф с самого начала отказался иметь с ним дело. Почему он не захотел принять в ученики молодого человека из хорошей семьи и очень умного, было тайной, которую Глауэрбах — кто поведал нам эту историю — так никогда и не смог разгадать. Достаточно сказать, что он лишь смог уговорить "Великого Копта" научить его, в какой-то степени, читать тайные мысли людей, с которыми он общался, заставляя их высказывать эти мысли вслух, даже не сознавая, что их губы произносят какой-либо звук. Но даже эту, сравнительно легкую магнетическую ступень оккультной науки, он так и не смог до конца освоить.

В те дни, Калиостро и его таинственные способности были у всех на устах. Париж буквально лихорадило. В Суде, в обществе, в Парламенте, в Академии говорили только о Калиостро. О нем рассказывали самые невероятные истории и чем невероятнее они были, тем охотнее в них верили. Говорят, что в своих магических зеркалах Калиостро показывал события будущего некоторым из наиболее выдающихся государственных деятелей Франции и что все эти события потом действительно имели место. Король и королевская семья были среди тех, кому было позволено заглянуть в неизвестное. "Маг" вызывал тени Клеопатры и Юлия Цезаря, Магомета и Нерона. Чингиз Хан и Карл V имели встречу с шефом полиции, а чтобы развеять сомнения внешне набожного, но втайне скептического архиепископа, был вызван один из богов, который однако не материализовался, ибо никогда не существовал во плоти. Мармонтель выразил желание встретиться с Белисером, но увидев как великий воин поднимается с земли, упал без чувств. Молодой, дерзкий и страстный Глауэрбах, чувствуя, что Калиостро никогда не поделится с ним своим великим знанием, но, в лучшем случае, бросит ему лишь несколько крох, начал поиски в другом направлении и, наконец, нашел лишнего духовного сана аббата, который, за определенную мзду, взялся обучить его всему, что знал сам.

Через несколько месяцев (?) он уже владел тайнами черной и белой магии, то есть искусством умело одурачивать простаков. Он также посетил Месмера и его ясновидящих, которых стало значительно больше в то время. Приобретшее дурную славу, французское общество 1785 года чувствовало, что роковой конец близок; оно страдало от хандры и жадно хваталось за все, что несло с собой перемену, убивая пресыщенность и летаргическую монотонность. Оно стало таким скептическим, что, не веря ни во что, кончило, наконец, верой во все. Глауэрбах, под опытным руководством своего аббата,

принялся злоупотреблять человеческой доверчивостью. Но он едва пробыл в Париже восемь месяцев, как полиция отечески порекомендовала ему отправиться за границу — ради собственного здоровья. И не было никакой возможности увильнуть от этого совета. Каким бы удобным местом ни была столица Франции для опытных колдунов-лекарей, она менее всего подходила для новичков. Он покинул Париж и отправился, через Марсель, в Палермо.

В этом городе умный ученик аббата познакомился и завязал дружбу с маркизом Гектором, младшим сыном князя Р..... В....., принадлежавшего к одной из самых богатых и знатных семей Сицилии. Тремя годами ранее, огромное бедствие обрушилось на этот дом. Старший брат Гектора, герцог Альфонсо, бесследно исчез; и старый князь, наполовину убитый горем, оставил свет, уединившись в своей великолепной вилле в окрестностях Палермо, где и проводил жизнь отшельником.

Молодой маркиз умирал от скуки. Не зная, что же еще с собой сделать, он начал изучать, под руководством Глауэрбаха, магию или по крайней мере то, что умный немец преподносил под этим названием. Учитель и ученик стали неразлучны.

Поскольку Гектор был вторым сыном князя, то, пока был жив его старший брат, у него был один-единственный выбор — либо пойти в армию, либо вступить в лоно церкви. Все богатство семьи переходило в руки герцога Альфонсо Р..... В....., который был, кроме того, помолвлен с Бьянкой Альфиери, богатой сиротой, ставшей в десять лет наследницей огромного состояния. Эта свадьба объединяла богатство обоих домов Р..... В..... и Альфиери, о ней условились еще когда Альфонсо и Бьянка были детьми, даже не думая о том, полюбят ли они друг друга. Судьба, однако, решила, что так тому и быть и между молодыми людьми вспыхнула взаимная и страстная любовь.

Так как Альфонсо был слишком молод для женитьбы, его отправили путешествовать и он отсутствовал более четырех лет. По его возвращении начались приготовления к свадьбе, которая, по замыслу князя, должна была стать будущей поэмой Сицилии. Ее намеревались отпраздновать очень пышно. Самые богатые и знатные люди страны собрались за два месяца до свадьбы и им устраивали королевские приемы в фамильном особняке, что занимал целую площадь старинного города, ибо все они, в той или иной степени, находились в родственных связях либо с семейством Р..... В....., либо Альфиери, во втором, четвертом, двадцатом или шестидесятом колене. Приехала толпа незваных голодных поэтов и импровизаторов, дабы воспеть, следуя местным обычаям тех дней, красоту и добродетели молодоженов. Ливорно отправил корабль с грузом сонетов, а Рим — благословения Папы. Толпы любопытных, желающих увидеть свадебную процессию, прибыли в Палермо из самых отдаленных уголков страны, также как и целые полки карманников, готовых при каждом удобном случае поупражняться в своей профессии.

Свадебная церемония была назначена на среду. Во вторник жених исчез, не оставив ни малейшего следа. Полиция целой страны была поставлена на ноги. Но, господи, все бесполезно! В течении нескольких дней Альфонсо ездил в Монте-Кавалли — его собственную прекрасную виллу — чтобы лично следить за приготовлениями к приему его очаровательной невесты, с которой он должен был провести свой медовый месяц в этой прелестной деревушке. Во вторник вечером он отправился туда один, верхом, как обычно, чтобы вернуться рано утром на следующий день. Около десяти часов вечера его повстречали двое *contadini* и поздоровались с ним. Они были последними, кто видел молодого герцога.

Позднее было установлено, что в ту ночь в водах Палермо курсировало пиратское судно; что пираты сошли на берег и увели с собой несколько сицилийских женщин. В конце прошлого столетия сицилийские женщины считались очень ценным товаром: они пользовались огромным спросом на рынках Смирны, Константинополя и Барбари Кост; богатые паши платили за них колоссальные деньги. Кроме хорошеньких сицилийских женщин, пираты имели обыкновение также похищать и богатых людей, требуя за них потом выкуп. Бедные люди, попавшись, разделяли судьбу рабочей скотины и питались поркой. Все в Палермо были твердо убеждены, что молодого Альфонсо похитили пираты; и это было не так уж невероятно. Верховный Адмирал Сицилийского Флота тотчас отправил в погоню за пиратами четыре быстроходных судна, выделявшихся среди других высокой скоростью. Старый князь обещал горы золота тому, кто вернет ему сына и наследника. И как только небольшая эскадра была готова к отплытию, она расправила свои паруса и исчезла за горизонтом. На одном из кораблей был Гектор Р..... В.....

Когда опустились сумерки, вахтерные матросы, стоявшие на палубе, все еще ничего не видели. Затем ветер посвежел и уже к полуночи дул с ураганной силой. Один из кораблей вернулся в порт немедленно, двое других исчезли из виду еще до шторма и о них уже больше ничего не слышали, а тот, на котором был молодой Гектор, вернулся два дня спустя, полной развалиной и без снаряжения, в Трапани.

За ночь до этого, смотрители одного из маяков на побережье видели вдалеке бриг без мачты, парусов или флага, который неистово бросало по гребням волн разбушевавшегося моря. Они подумали, что это был бриг пиратов. Он пошел ко дну у них на глазах и молва распространила весть, что все, кто был на корабле, до последнего человека, погибли.

Несмотря на все это, старый князь разослал своих эмиссаров во все стороны — в Алжир, Тунис, Марокко, Триполи и Константинополь. Но они ничего не обнаружили; и когда Глауэрбах прибыл в Палермо, со времени этого случая прошло уже три года.

Князь, хотя и потерял сына, не лелеял мысль потерять богатство Альфиери. Он решил выдать Бьянку замуж за своего второго сына, Гектора. Но прекрасная Бьянка все время рыдала и оставалась безутешной. Она отвергла это предложение сразу же и объявила, что останется верной своему Альфонсо.

Гектор вел себя как истинный рыцарь. "Зачем же делать Бьянку еще более несчастной, досаждая ей своими мольбами? Возможно, мой брат все еще жив" — говорил он. "Как же я тогда могу, в силу такой неопределенности, лишать Альфонсо, если он вернется, его лучшего сокровища, той, которая дороже ему самой жизни!"

Тронутая таким проявлением благородных чувств, Бьянка стала проявлять меньше безразличия к брату своего Альфонсо. Старик не терял надежды. К тому же, Бьянка была женщиной; а у женщин Сицилии, так же как и повсюду в мире, отсутствующие всегда виновны. Наконец она обещала, если когда-либо получит убедительное доказательство того, что Альфонсо действительно мертв, выйти замуж за его брата или — ни за кого. Таково было состояние дел, когда Глауэрбах — хваставший, что может вызывать призраки мертвых — появился в княжеской, отныне мрачной и безлюдной загородной вилле Р..... В..... Он не пробыл там и двух недель, как снискал всеобщую любовь и восхищение. Все таинственное и оккультное, и особенно сношения с миром неведомого, "безмолвной страной", влечет к себе всех, и особенно отчаявшихся. Однажды старый князь набрался храбрости и попросил лукавого немца рассеять их мучительные сомнения. Мертв Альфонсо или жив? Вот это была вопрос. Подумав несколько минут, Глауэрбах ответил таким образом: — "Князь, то, что вы просите сделать для вас, очень важно...И это

действительно так. Если вашего несчастного сына нет в живых, я мог бы вызвать его призрак; но не будет ли потрясение слишком сильным для вас? И согласятся ли на это ваш сын и ваша воспитанница — очаровательная графиня Бьянка?"

"Все, что угодно, но только не мучительная неопределенность," ответил старый князь. Итак, было решено, что вызывание духа произойдет ровно через неделю. Услышав об этом, Бьянка лишилась чувств. Когда ее удалось привести в сознание при помощи многочисленных снадобий, любопытство взяло верх над сомнениями. Ведь она была дочерью Евы, как и все женщины. Гектор вначале всеми силами противился тому, что он считал кощунством. Он не хотел нарушать покой своего дорогого умершего брата; сначала он сказал, что если его любимый брат действительно мертв, он предпочитает ничего об этом не знать. Но, в конце концов, его все возрастающая любовь к Бьянке и желание угодить своему отцу взяли верх над всем остальным и он также согласился.

Неделя, которая потребовалась Глауэрбаху для подготовки и очищения, казалась вечностью нетерпению всех троих. Пройди еще день, и они бы все сошли в ума. Между тем, колдун не терял зря времени. Подозревая, что когда-нибудь к нему обратятся с подобной просьбой, он с самого начала стал собирать малейшие подробности о жизни покойного Альфонсо и очень внимательно изучил его портрет в натуральную величину, который висел в спальне старого князя. Этого было достаточно для его цели. Чтобы придать больше торжественности происходящему, он предписал всей семье соблюдать суровый пост и молиться, день и ночь, в течении всей недели. Наконец, долгожданный час настал и князь, в сопровождении своего сына и Бьянки, вошел в комнату колдуна. Глауэрбах был бледен и серьезен, но спокоен. Бьянка дрожала с головы до пят и все время держала наготове флакончик с ароматической солью. Князь и Гектор походили на двух преступников, которых вели на казнь. Огромная комната освещалась одной единственной лампой, но даже этот тусклый свет вдруг внезапно потух. В кромешной тьме было слышно как скорбный голос заклинателя произнес на латыни короткую каббалистическую формулу и, наконец, приказал тени Альфонсо появиться — если, конечно, она действительно пребывала в стране теней.

Внезапно тьма, окутывавшая дальний альков комнаты, озарилась слабым голубоватым светом, который, постепенно разрастаясь, превратился на глазах у присутствующих в большое магическое зеркало, которое, казалось, было покрыто густым туманом. В свою очередь, туман этот постепенно стал рассеиваться и, наконец, взору присутствующих предстала фигура человека, лежащего ничком. Это был Альфонсо! На нем было то же самое платье, что и в тот вечер, когда он исчез; тяжелые цепи сковывали его руки и он лежал, бездыханный, на берегу моря. Вода стекала с его длинных волос и окровавленной, разорванной одежды, затем накатила огромная волна и, поглотив его, все внезапно исчезло.

В течении всего этого ужасного видения царил мертвая тишина. Дрожь била всех присутствующих, которые с трудом переводили дыхание; затем все погрузилось во тьму и Бьянка, издав слабый стон, упала без чувств в объятия своего опекуна.

Шок оказался слишком сильным. Юная леди получила воспаление мозга и в течении нескольких недель была на грани жизни и смерти. Князь чувствовал себя не намного лучше; а Гектор не покидал своей комнаты в течении двух недель. Сомнений не было — Альфонсо был мертв, он утонул. Стены дворца завесили черным полотном, окропленным горючими слезами. В течении трех дней колокола многих церквей Палермо оплакивали несчастную жертву пиратов и моря. Внутри величественного собора все было также покрыто черным бархатом, от пола до купола. Две тысячи пятьсот тонких восковых

свечей мерцало вокруг катафалка и кардинал Оттобони, при помощи пяти епископов, в течение долгих шести недель каждый день совершал службу по покойному. Четыре тысячи дукатов бросили как милостыню бедным, толпившимся у входа в собор, и Глауэрбах, одетый в соболью мантию словно принадлежал к этой семье, представлял на похоронах ее отсутствующих членов. Глаза у него были красными и когда он закрывал их своим надушенным носовым платком, все, стоявшие рядом с ним, слышали его конвульсивные рыдания. Никогда еще святотатственная комедия не была разыграна лучше.

Вскоре после этого, в память об Альфонсо, в церкви святой Розалии воздвигли величественный монумент из чистейшего Каррарского мрамора, украшенный двумя аллегорическими фигурами. На саркофаге, по приказу старого князя, были высечены высокопарные надписи на греческом и латыни.

Через три месяца поползли слухи, что Бьянка выходит замуж за Гектора. Глауэрбах, который в это время путешествовал по Италии, вернулся в Монте-Кавалли накануне свадьбы. Он везде демонстрировал свои замечательные колдовские способности и "святая" Инквизиция гналась за ним буквально по пятам. Он чувствовал себя в полной безопасности лишь в кругу семьи, которая его обожала и почитала полубогом.

На следующее утро многочисленные гости отправились в церковь, которая блистала серебром и золотом и была украшена так, будто праздновалась королевская свадьба. Каким счастливым выглядел жених! Какой хорошенькой была невеста! Старый князь рыдал от радости, а Глауэрбаху была оказана честь быть шафером Гектора.

В саду были раскинута огромные банкетные столы, за которыми развлекались вассалы обеих семей. Пиршества Гюгантов были менее обильными, чем это празднество. Вместо воды, в пятидесяти фонтанах струилось вино; но к заходу солнца уже никто не мог больше пить, ибо к несчастью — для некоторых — человеческая жажда не бесконечна. Жареных фазанов и куропаток десятками выбрасывали соседним собакам, которые к ним тоже не притрагивались, поскольку даже они уже были сыты по горло.

Вдруг, среди веселящейся, пышной толпы, появился новый гость, приковавший к себе всеобщее внимание. Это был мужчина, худой как скелет, очень высокий и одетый в платье ордена кающихся монахов или "молчальников", как их называют в народе. Это платье состоит из длинного, ниспадающего свободными складками, серого шерстяного одеяния, подпоясанного веревкой, на обоих концах которой висят человеческие кости, и капюшона, полностью закрывающего лицо, кроме двух дырочек, прорезанных для глаз. Среди множества орденов кающихся монахов, существующих в Италии — черных, серых, красных и белых кающихся грешников — ни один не вселяет такого инстинктивного ужаса как этот. Кроме того, никто не имеет права обратиться к кающемуся брату, пока на его лицо накинута капюшон. Кающийся не только имеет полное право, но он обязан оставаться для всех неизвестным.

Таким образом, никто не заговаривал с этим таинственным братом, который столь неожиданно появился на свадебном торжестве и, казалось, следовал за молодоженами, словно был их тенью. И Гектор, и Бьянка вздрагивали каждый раз, когда оборачивались, чтобы взглянуть на него.

Солнце уже садилось и старый князь, в сопровождении своих детей, в последний раз обходил банкетные столы в саду. Остановившись у одного из них, он поднял бокал вина и воскликнул: "Друзья мои, давайте выпьем за здоровье Гектора и его жены Бьянки!"

Но, в тот самый миг, кто-то схватил его за руку и остановил ее. Это был, одетый во все серое, "молчальник." Незаметно появившись из толпы, он подошел к столу и тоже поднял бокал.

"А нет ли еще кого, старик, кроме Гектора и Бьянки, за чье здоровье ты хотел бы выпить?" — спросил он низким, грудным голосом, — "А где твой сын Альфонсо?"

"Разве ты не знаешь, что он мертв?" — уныло ответил князь.

"Да!...мертв — мертв!" повторил монах. "Но если бы он вновь мог услышать голос, который слышал в момент своей жестокой смерти, я думаю он смог бы ответить...ах... даже из самой могилы... Старик, позови сюда своего сына Гектора!..."

"О боже! Что вы... что вы хотите этим сказать!" — (все это легче вообразить, чем описать) через минуту воскликнул князь, мертвенно-бледный от невыразимого ужаса.

Бьянка была на грани обморока. Гектор, еще более посиневший, чем его отец, с трудом стоял на ногах, и, наверное, упал бы, если бы его не поддерживал Глауэрбах.

"В память об Альфонсо!" медленно произнес тот же скорбный голос. — "Пусть все повторяют эти слова за мной! Гектор, герцог Р..... В..... я приглашаю тебя произнести их!..."

Гектор сделал отчаянное усилие и, утирая свои дрожащие губы, постарался открыть рот. Но его язык прилип к небу и он не мог проронить ни звука. Он был бледен как смерть, а изо рта текла слюна. Наконец, после нечеловеческой борьбы со своей слабостью, он пробормотал, "В память об Альфонсо!..."

"Голос моего убийцы!..." воскликнул монах грудным, но отчетливым голосом.

Произнеся эти слова и откинув назад свой капюшон, он разорвал свое платье и взору оцепеневшей от ужаса толпы предстал призрак Альфонсо, на его груди зияло четыре глубокие раны, из которых ручейками сочилась кровь!

Крики ужаса, испуг присутствующих... сад опустел; вся толпа, опрокидывая столы, неслась прочь, как от смерти...Но более всего странным было то, что Глауэрбах, несмотря на свое близкое знакомство с покойниками, был более всех охвачен паникой. Некромант, вызывавший духов по собственному усмотрению, увидев настоящего призрака и услышав, что тот говорил как живой, упал без чувств на клумбу с цветами; когда его подобрали позже той же ночью, он был совершенно безумен и оставался таковым в течении ряда месяцев.

Лишь спустя полгода он узнал, что последовало за этой ужасной сценой. Бросив свое обвинение, монах исчез у всех на глазах, а Гектора, бившегося в страшных конвульсиях, отнесли в его комнату, где, спустя час, призвав к себе своего духовника, он заставил его записать за ним признание, а подписав его, принял, прежде чем его смогли остановить, ядовитое содержимое перстня с печаткой и испустил дух почти мгновенно. Старый князь последовал за ним в могилу через две недели, оставив все свое состояние Бьянке. Но несчастная девушка, на чью молодость обрушились две такие трагедии, нашла прибежище в монастыре и все ее огромное состояние перешло в руки Иезуитов. Повинуясь своему сну, она выбрала отдаленный и уединенный уголок в огромном саду Монте-Кавалли в качестве места для величественной часовни, которую она построила как памятник

искупления страшного преступления, положившего конец древнему роду князей Р..... В..... Вынимая грунт, рабочие обнаружили старый, высохший колодец, а в нем скелет Альфонсо, с четырьмя ножевыми ранами в его полуистлевшей груди и обручальным кольцом Бьянки на пальце.

Сцена, подобная той, что описана выше в день свадьбы, может потрясти даже самого закоренелого скептика. Выздоровев, Глауэрбах навсегда оставил Италию и вернулся в Вену, где поначалу ни один из его друзей не мог узнать в этом постаревшем, одряхлевшем, с белыми как снег волосами молодого человека, которому едва исполнилось 26. Он навсегда покончил с вызыванием духов и знахарством, но с того времени стал твердо верить в бессмертие человеческой души и ее оккультные силы. Он умер в 1841 году, честным и исправившимся человеком, не проронив ни слова об этой таинственной истории. Лишь в последний год его жизни, некое лицо, которое завоевало его полное доверие тем, что оказало ему определенную услугу, узнало от него подробности поддельного видения и настоящей трагедии, постигшей род Р..... В.....
